

HOMELAND ELEGIES
AYAD AKHTAR

У
АИЯД

АХТАР

ЭЛЕГИИ

РОДИНЫ

Москва
2023

УДК 821.111-4(73)
ББК 84(7Coe)-44
А95

Ayad Akhtar
HOMELAND ELEGIES

Copyright © 2020 by Ayad Akhtar
This edition published by arrangement with Little, Brown and Company,
New York, New York, USA. All rights reserved

Перевод с английского *Михаила Левина*

Художественное оформление *Владислава Воронина*

Ахтар, Айяд.

А95 Элегии родины / Айяд Ахтар : [перевод с английского М. Б. Левина]. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с.

ISBN 978-5-04-162019-6

Айяд Ахтар — сын пакистанских мигрантов, родившийся в США. Он, его отец, а также их многочисленные родственники и знакомые учились, работали, заводили друзей, строили планы и вполне чувствовали себя американцами, но в одно несчастное сентябрьское утро все рухнуло.

Это история о них: о тех, кто уехал, кто принял христианство, и тех, кто остался самоотверженно бороться со стереотипами.

УДК 821.111-4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-162019-6

© Левин М., перевод на русский язык, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Посвящается Марку Уоррену и Аннике

*«Что-то сочинить я могу только про то,
что уже само случилось . . .»
— Элисон Бекдел*

Содержание

<i>Увертюра: к Америке</i>	9
<i>Хронология событий</i>	15

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА

I. На первую годовщину пребывания Трампа в должности	19
II. Об автобиографии; или Бен Ладен	45
III. Во имена Пророка.	77

ВОСПОМИНАНИЕ О СКРЭНТОНЕ

IV. Страна Господа Бога	121
V. Риаз, или торговец долгом	159

СИФИЛИС ПО-АМЕРИКАНСКИ

VI. О любви и смерти	223
VII. О Поттерсвиле:	281
VIII. «Лэнгфорд против Релайанта», или как заканчивается американская история моего отца	309
<i>Кода: Свобода слова</i>	402
<i>Благодарности</i>	413
<i>Об авторе</i>	414

Увертюра: к Америке

В колледже у меня была преподавательница, Мэри Морони, читавшая курсы по Мелвиллу и Эмерсону, которую когда-то знаменитый Норман О. Браун, ее учитель, называл «самым тонким умом во всем ее поколении»: ангелоподобная женщина чуть за тридцать, чье сходство с рафаэлевскими купидонами не назовешь случайным — ее родители приехали из Урбино. Эрудиция Мэри Морони поражала: эта женщина одинаково легко цитировала Старшую и Младшую Эдду, Ханну Арендт и «Моби Дика». Лесбиянка — о чем я упоминаю лишь потому, что она сама часто это говорила. Лектор, чьи фразы были остры как немецкий резак, и она проводила ими новые борозды в сером веществе нашего мозга, создавая новые пути для старых мыслей, как было в то февральское утро через две недели после первой инаугурации Билла Клинтона, когда Мэри, читая лекцию о жизни в период раннего американского капитализма, явно прерванная навязчивой мыслью, подняла взгляд от пола, куда обычно смотрела, произнося слова, в своей характерной позе — левая рука глубоко засунута в карман свободных слаксов, ее неотъемлемого наряда, — и почти небрежно заметила, что Америка как началась колонией, так колонией и осталась, — в том смысле, что главное на этой территории —

барыш. Здесь на пьедестал возведено Обогащение, а о гражданском порядке всегда вспоминают во вторую очередь, потом. Отечество, во имя коего — и на выгоду коему — продолжается хищничество, стало уже не физическим отечеством, а духовным: Американская Личность. Этим грабительским *patria* стала вечно распухающая американская эгоманья, долгой дрессировкой натасканная поклоняться своим желаниям (как бы благоразумны, как бы банальны они ни были, а не сомневаться в них, как учит классическая традиция), говорила Мэри, и мародерские годы правления Рейгана лишь подчеркнули эту непреходящую реальность американской жизни яснее и прозрачнее, чем когда бы то ни было.

У Мэри были некоторые неприятности в предыдущем семестре из-за столь же жестких замечаний насчет американской гегемонии, сделанных после «Бури в пустыне». Один студент из программы подготовки офицеров резерва, слушавший ее курс, пожаловался администрации, что она выступает против армии. Он затеял петицию, организовал секцию в студенческом союзе. Поднявшийся шум привел к появлению редакционной статьи в газете кампуса и к угрозам протеста, которые так и не воплотились в жизнь. Мэри не стала извиняться и каяться. В конце концов, это было в начале девяностых, и последствия суровых огненно-серных идеологических дождей — или обвинений в сексуальном абьюзе с использованием служебного положения, если таковые выдвигались, — вряд ли можно сравнить с сегодняшними. Если у кого-то возникли проблемы в связи с тем, что сказала нам Мэри, то я об этом ни разу не слышал. На самом деле я сомневаюсь, что многие из нас тогда понимали, что она имеет в виду. Я определенно не понял.

Поклонение своим желаниям. Распухающая эгоманья. Колония для разграбления.

В ее словах была сила мощного отрицания, слышалось противоречие традиции бесконечного американского самовосхваления. Это было для меня ново. Я привык к той исключительности — «благословенная-господом-страна-свет-мира» — что проповедовалась на каждом слышанном мною уроке истории. Я выросл в эпоху града-на-холме, сияющего для всех. Таковы были прославляющие тропы, выученные мною в школе, и я считал их не тропами, а истиной.

Я видел американское благоволение в знающем взгляде Дяди Сэма на почте, слышал американское изобилие в консервированном закадровом смехе ситкомов, которые каждый день смотрел вместе с матерью, ощущал американскую защиту и силу, крутя педали десятискоростного «Швинна» мимо двухуровневых и двухэтажных домов округа среднего класса, где я рос. Конечно, мой отец был тогда горячим сторонником Америки. Для него не было более великого места на земле, такого места, где ты можешь больше, имеешь больше, где ты сам больше. Америкой он не мог насытиться: палаточные походы в парк Тетонс, езда на машине по Долине Смерти, подъем на Сент-Луисскую арку и потом сплав на лодке в Луизиану на рыбалку — добывать окуня в протоках. Он любил посещать исторические места. В рамки вставлялись наши фотографии из поездок в Монтичелло и Саратогу, к дому на Билз-Стрит в Бруклине, где родились братья Кеннеди.

Помню одно субботнее утро в Филадельфии, мне было восемь, и отец выговаривал мне за хныканье во время людной экскурсии по каким-то комнатам, как-то связанным с Конституцией. Когда она окончилась, мы взяли такси до знаменитых ступеней возле музея, и он устроил со мной гонку наверх — и дал мне выиграть! — в знак почтения к Рокки Бальбоа.

Любовь к Америке и твердая вера в ее превосходство — моральное и всякое прочее — была в нашем доме кредо, и моя мать знала, что его лучше не оспаривать, даже если она не до конца с ним соглашалась. Как и родители Мэри — это я потом узнал от нее самой, — моя мать никогда не находила в различных преимуществах своей новой родины ничего похожего на достаточную компенсацию за оставленное позади. Не думаю, что она когда-нибудь ощущала эту страну как родину. Она считала, что американцы материалистичны, и никогда не понимала, что такого святого в этой оргии покупок, которую они называют Рождеством. Ей неприятно было, что каждый ее спрашивает, откуда она, причем не смущаясь после ее ответа тем, что впервые слышит такое географическое название. Американцы были невежественны не только в географии, но и в истории. А более всего ее не устраивало «невнимание к важному», как она это называла. Конкретнее говоря — американское отрицание старения и смерти. Раздражение этим последним за долгие годы осело у нее в душе как тяжелый камень, внушающий ужас жупел, который не оставлял ее до самой могилы: мысль, что старение будет означать полную изоляцию и умирание в «доме», который никак не дом.

Взгляды моей матери — как бы редко ни были они произносимы вслух, — могли бы подготовить меня к пониманию диспептической точки зрения Мэри на ее собственную страну, но этого не случилось. Даже моя принадлежность к исламу не сподобила меня увидеть то, что видела Мэри, ни даже одиннадцатое сентября. Я помню ее письмо через несколько месяцев после того страшного сентябрьского дня, навеки изменившего жизнь мусульманина в Америке. Десятистраничное послание, в котором она меня ободряла, призывала иметь мужество, говорила о своей борьбе — борьбе женщины не-

стандартной ориентации в Америке, неослабевающую схватку за собственную целостность, о трудности своего пути к автономии и самоидентификации — и все это были лишь языки пламени, пробивающиеся из-под коры, провоцирующие творческую ярость, смиряющие сентиментальность, избавляющие ее от надежды в идеологии. «Встретилась трудность — используй ее, обрати в свою пользу», — таково было ее наставление. Трудность была тем оселком, на котором она острила свою аналитическую мощь — понимание тех «как», «почему» и «что», — которые она видела, а я даже пятнадцать лет спустя не мог по-настоящему увидеть сам: мои усугубляющиеся трудности мусульманина, живущего в этой стране несмотря ни на что. Нет. Мне не увидеть было того, что видела Мэри, пока я не стал свидетелем безвременного упадка поколения коллег, выжатых работой, которая никогда не приносила достаточно денег, тонущих в долгах ради ухода за детьми с расстройствами, не поддающимися лечению; пока не увидел родственников — и лучшего друга школьных лет, — кончивших приютами или улицей, вышвырнутых из домов, за которые они больше не могли платить, пока не случилось без малого дюжины суицидов и передозов сорока-с-чем-то-летних друзей детства всего за три года; пока друзья и родственники не стали лечиться от отчаяния, забот, эмоциональной тупости, бессонницы, сексуальной дисфункции и преждевременного рака из-за химических замен всего на свете — от еды, продвигающейся по раздраженному кишечнику, и до лосьонов, намазанных на отравленную солнцем кожу. Я не видел этого, пока наша собственная частная жизнь не была сожрана публичным пространством, где была кодифицирована, конфискована без права выкупа и выставлена на аукцион; пока устройства, порабощающие наш ум, не наполнили нас ядовитой пеной культуры, не стоящей

более этого названия, пока блестящая податливость человеческого разума — само внимание — не стало самой ценной услугой в мире, самые движения нашего разума не оказались преобразованы в потоки нескончаемого дохода где-то для кого-то. Я не видел этого ясно, пока Американская Суть полностью не овладела процессом грабежа, не идеализировала и законодательно не оформила раздел трофеев и не подвела почти к завершению оптовый грабеж не только так называемой колонии — каким это кажется теперь провинциальным и диалектным! — но самого мира полностью. Короче говоря, я не видел того, что видела тогда Мэри, пока не провалились мои попытки видеть это иначе, пока я не оставил веру в ложь о собственном искуплении, пока страдания других не возбудили во мне плач, зазвучавший отчетливее и яснее гимна собственным желаниям. Уитмена я впервые прочел с Мэри и был им покорен. Зеленые листья и сухие листья, копыа летней травы, поворот головы, ожидающей, что будет дальше. И мой язык тоже вырос на родине — каждый атом этой крови рожден этой почвой, этим воздухом. Но это многообразие не стало моим. И не будет здесь песен прославления.

Хронология событий

- 1964–68 Мои родители встречаются друг друга в Лахоре, в Пакистане, женятся, иммигрируют в Соединенные Штаты
- 1972 Я рождаюсь на Стейтен-Айленде
- 1976 Мы переезжаем в Висконсин
- 1979 Кризис с заложниками в Иране; у матери впервые обнаружен рак (рецидивы в 1986, 1999 и 2010)
- 1982 Первая попытка отца завести частную практику
- 1991 Частная практика отца терпит крах, он объявляет себя банкротом и возвращается в академическую медицину
- 1993 Отец знакомится с Дональдом Трампом
- 1994 Ужин с тетей Асмой; чтение Рушди
- 1997 Последняя встреча отца с Трампом
- 1998 В Пакистане убит Латиф Аван
- 2001 Теракт 11 сентября
- 2008 Семейная поездка в Абботтабад, в Пакистан
- 2009 Поломка автомобиля в Скрэнтоне
- 2011 Убит Бен Ладен
- 2012 Премьера постановки в Нью-Йорке, знакомство с Риазом Риндом, смерть Кристины Лэнгфорд и ее нерожденного младенца